

УДК 008: 82 - 131

Три вершины русского богатырства

Кокарев Игорь Сергеевич

Аспирант,
кафедра культурологии и литературы,
Ивановский государственный университет,
Шуйский филиал,
155902, Российская Федерация, Шуя, ул. Кооперативная, 24;
e-mail: Igor-Kokarev777@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуется проблема трактовки понятия «богатырство» в русском культурном пространстве, отмечается ее традиционная односторонность в связи с жесткой смысловой привязкой понятия к образу Ильи Муромца. Для расширения смыслового поля понятия «богатырство» предлагается наряду с Ильей Муромцем рассмотреть богатырские образы Микулы Селяниновича и Василия Буслаева, каждый из которых является равноценным выразителем основных качеств русского народа. Делается вывод о том, что образованная данными богатырями триада более полно раскрывает содержание понятия «богатырство», поскольку в ней нашли воплощение три важнейших вектора русского бытия: исполнение долга перед Родиной и ее защита; честный труд и гармония с землей; неудержимое стремление к свободе, доходящее до бунта.

Для цитирования в научных исследованиях

Кокарев И.С. Три вершины русского богатырства // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 2А. С. 401-410.

Ключевые слова

Богатырство, Илья Муромец, Микула Селянинович, Василий Буслаев, долг, родина, земля, труд, свобода, бунт.

Введение

Сразу отметив, что к настоящему времени в русской культуре накопилось множество вариантов трактовки понятия «богатырство», не всегда отраженных в словарях, мы в данной

статье обратим внимание только на связь между смыслами, которые принято вкладывать в понятие «богатырство» и образами былинных богатырей.

Смысловое поле понятия «богатырство»

На протяжении своего существования понятие «богатырство» претерпело значительные смысловые трансформации. От понимания его исключительно как физической категории в XVIII веке: «Употребление **телесных** сил богатыря» [Словарь Академии..., 1789, 248] – богатырство прошло путь до современного комплексного: «Совокупность свойств богатыря» [Ушаков, 1935], или, например, более конкретного: «Отличительные качества богатырей: сила, удалство, отвага» [Ефремова, 2000].

Данные варианты трактовки дают четкую расшифровку возможных значений понятия «богатырство», однако при попытке применить вышеуказанные определения непосредственно к персонажам былинных текстов, отмечаем, что:

1) «отличительные качества богатырей» в каждом конкретном случае будут представлять собой индивидуальную для каждого богатыря совокупность;

2) «сила, удалство, отвага» не являются универсальными качествами для всех богатырей.

Таким образом, при углублении в трактовки приходим к выводу, что выделить некое общее для всех былинных богатырей понимание «богатырства» невозможно. В эту категорию объединяют разительно отличающиеся (а иногда и противопоставляемые) образы, и в каждом частном случае понимание «богатырства» как «совокупности свойств» позволяет определять его смысловое наполнение индивидуально.

Однако в глобальном культурном смысле символом всего *былинного богатырства* непременно становится Илья Муромец (иногда вместе с Добрыней Никитичем и Алешей Поповичем). «В образах богатырей, самоотверженно защищающих родную землю, воплощены представления о подлинной доблести, дан идеал народного героя. Лучшие черты этого героя, беззаветно преданного родине, всегда готового встать на ее защиту, совершающего подвиги в интересах народа, объединены в образе Ильи Муромца» [Астахова, 1958, 393].

Таким образом, можно сделать вывод, что происходит искусственное сужение возможной области значений понятия «богатырство». Это вызывает ситуацию, когда при очевидном типовом разнообразии богатырей, понятие «богатырство» жестко привязано только к одному богатырскому образу. Мы считаем, что оптимальным решением было бы увеличение числа образов, с которыми связано богатырство, до трех. К Илье Муромцу необходимо добавить Микулу Селяниновича и Василия Буслаева, каждый из которых, наравне с Ильей, является значимым носителем русского богатырства.

Исходя из того, что образы богатырей в русском эпосе представляют собой «плод художественного обобщения, воплощение в одном человеке способностей и силы народа или социальной группы» [Селиванов, 1988, 17], но при этом каждый богатырь «дан вместе с тем в

подчеркнуто индивидуальном облике, как конкретный исторический персонаж – со своей родословной, неповторимыми моментами биографии, особенностями поведения» [Путилов, 1986, 22], мы рассмотрим их, прежде всего, с позиции общенародных качеств, а не личностных черт. Тем не менее, общенародные качества являются определяющими для каждого богатыря, их отсутствие приводит к деструкции отдельного богатырского образа, как такового.

Илья Муромец

Прежде всего, считаем необходимым еще раз рассмотреть богатырство Ильи Муромца. Названный К.С. Аксаковым «первой человеческой силой» [Аксаков, 1889, 391], Илья Муромец во многом стал синонимом самому понятию «богатырь», и «богатырство» трактуется в первую очередь как набор черт, характерных именно для Ильи.

Образ Ильи Муромца тесно связан с классическим пониманием богатырства в наиболее обобщенной трактовке, представляющей синтез физической силы, высокого морального облика, обязательного совершения подвигов на благо Родины: «...самый популярный и любимый в народе Илья Муромец, простой крестьянский сын, мужественный и могучий воин-патриот, защитник «вдов и сирот» земли Русской. Идеи, пронизывающие все содержание былинного эпоса, – идеи единства и величия Руси, патриотизма и служения своей родине, гордость за нее – сохранились в былинах и в последующие времена. На протяжении многих веков они вдохновляли русский народ на борьбу против иноземных захватчиков, вселяя в него силу и укрепляя веру в победу над врагом» [Вьюнов, 2005, 22].

При всей сложности, многослойности образа, Илья рассматривается, прежде всего, как защитник. С учетом того, что на протяжении своей истории Россия не раз подвергалась вражеским вторжениям, которые грозили как территориальными потерями, так и утратой государственной независимости, становится ясно, почему образ Ильи как *богатыря-защитника* оказался наиболее ценным и транслируемым в русском культурном пространстве.

А.М. Астахова писала, что «исключительная популярность образа Ильи Муромца среди других эпических созданий русского народа обусловлена его идейной значительностью и высоким художественным совершенством» [Астахова, 1958, 394].

Несомненно, Илья Муромец – сильный и могучий защитник родной земли – традиционно воспринимается как вершина богатырства. Однако, как уже сказано, было бы неправильно, на наш взгляд, рассматривать данного богатыря в качестве единственной вершины и сводить весь спектр понимания богатырства к единственному образу.

Микула Селянинович

Далее обратимся к такому монументальному персонажу русских былин как Микула Селянинович. Ф.И. Буслаев писал об этом богатыре: «Такой колоссальный образ мог бы соответствовать

въ фантазии народа тем иконописным типам, которые, для выражения идеи о вседержительстве и власти, держать в руке земной шар» [Буслаев, 1862, 41]. Микула Селянинович – пахарь, а пахота – это символическое преобразование пространства, его окультуривание [см. Толстой, 2004, 652], преобразование Хаоса в Космос (неосвоенная земля становится освоенной пашней). Основной смысл былины о Микуле – это «Овладение землей, как поворотный момент в истории русской культуры и в становлении русского государства» [Пропп, 1999, 82]. Необходимо сделать упор на то, что в данном контексте богатырство Микулы представлено в двух аспектах. В более узком – труде пахаря и более широком – *преобразовании пространства* без жесткой привязки именно к пахотному труду. Расширяя смысловое поле, мы сможем включить в эту категорию любой процесс окультуривания, упорядочения человеком дикой, хаотичной материальной среды.

Необходимо отметить еще одну важную особенность – отношение Земли к Микуле. «Не бейся и с родом Микуловым: // Его любит матушка-сыра земля» [Рыбников, 1861, 35] – наставляют исцеленного Илью Муромца калики перехожие. От этой любви Микула имеет возможность нести тягу земную, иметь над ней власть, т. е. власть Микулы – это не столько власть хозяина, сколько избранничество, гармонические отношения со стихией, залогом которых является его могучий, богатырский труд. Благодаря его особой силе и масштабу деятельности труд Микулы обретает эпический размах: «Деятельное природное начало определяет восприятие крестьянского труда как величественного акта природочеловеческого и богочеловеческого сотворчества, преобразующего землю» [Домников, 2002, 419].

В сюжетах о Микуле важное место занимает мотив особого предмета (сошка/сумочка земной тяги), который под силу поднять только ему, как причастному к земледельческому труду. Обратим внимание на сумочку с тягой земной. В.Я. Пропп, отмечая, что она «знаменует тяжесть земледельческого труда» [Пропп, 1999, 81], раскрывает важный аспект микулиного богатырства: тяжелый труд по *освоению* земли, которым занят Микула, требует *выносливости*. На наш взгляд, данный аспект в образе самого Микулы отражен несколько размыто в силу эпического характера героя.

Как отмечает С.Д. Домников: «Само «богатырство» (как «богом данное») героя выводится здесь из богоугодности крестьянского труда, ибо богатырь – это пахарь, наделенный божеским даром. Но этот дар раскрывается только при следовании Богом данным путем, и только в причастности к земледельческому труду, к «тяге земной» – вся сила русского богатыря» [Домников, 2002, 437]. Таким образом, Микула Селянинович, богатырь-пахарь, тесно связанный с земной стихией и трудом, является второй вершиной русского богатырства.

Василий Буслаев

Третий герой, которого мы рассмотрим в данной статье, богатырь Василий Буслаев характеризуется как «яркий национальный тип, «древнерусский анархист», непочтительный ко всем святыням и запретам» [Назирова, 2012, 27]. Это наиболее противоречивый из рассматри-

ваемых персонажей, отношение к которому постепенно изменяется. «Первоначальная тенденция былины – осуждение Василия Буслаева, бесшабашного пьяницы и ушкуйника, вступающего в бой со всем Новгородом, нарушающего обычая, сменяется любованием его широкой натурой, удалью, дерзостью, его свободомыслием, его «буйным озорством» [Платонов, 2004].

В.Я. Пропп, отмечая все многообразие возможных интерпретаций, пишет, что «Василий Буслаевич в изображении ученых либо индивидуалист, наподобие немецкого Зигфрида, либо русский пьяница и буян, «широкая натура», полуразбойник и типичный новгородский ушкуйник. Одними он же изображался как Роберт-Дьявол, заимствованный с Запада, другими – как Иван Грозный, «покоривший» Новгород» [Пропп, 1999, 442].

Образованию сюжета о конфликте Буслаева с Новгородцами служат локальные, привязанные к Новгороду события. Например, В.Я. Пропп пишет, что в данной былине «показана борьба, которую ведут представители ремесла в городах – предшественники будущих пролетариев при капитализме» [Пропп, 1999, 373], отмечая, что былины о Буслаеве «стали общерусским достоянием» [Пропп, 1999, 442].

Но для нас важен прежде всего сам герой. И в первом сюжете о противостоянии с новгородцами, где Василий «вступает в борьбу с окружающим его человеческим миром» [Пропп, 1999, 474], и во втором, где Василий «вызывает на бой уже «нездешние» силы, предрассудки, в которые еще веруют его современники, тогда как «Васенька тому не верует»» [Пропп, 1999, 474], мы видим такие ключевые черты данного героя как **бунтарство**, **стремление к свободе**. Трактовка Василия Буслаева как новгородского *богатыря-ушкуйника* [Рыбаков, 1982, 169, 170], т. е. по сути разбойничьего атамана, ставит героя в начало цепочки, которую продолжают Разин, Булавин, Пугачев. Василий Буслаев – носитель той анархической **русской воли**, которая «как противоположный полюс долготерпения является характерной чертой российского сознания» [Федорова, 1995, www].

Важно учитывать, что Василий Буслаев – единственный в русском эпосе *герой-бунтарь*, отражающий то русское свободолобие, которое выливалось в восстаниях и бунтах. Василий Буслаев – это олицетворение того анархизма и вольности, которые по Н.О. Лосскому в русском народе противопоставлялись гипертрофии государства [Лосский, 1991, 280].

Смерть Василия в конце второго былинного сюжета, воспринимается как заслуженная кара за нарушения правил. Но поведение Василия – это «вызов судьбе, насмешка над ней, бунт против всего «добропорядочного» и закоснелого» [Померанцева, 1978, 374].

В определенной мере бунт свойственен и Илье Муромцу, однако для него это не основополагающий элемент в формировании образа. Образ же Василия Буслаева представить без бунта невозможно. Г.П. Федотов писал о русской воле: «Так как воля подобна анархии, невозможна в культурном общежитии, то русский идеал воли находит себе выражение в культуре пустыни, дикой природы, кочевого быта, цыганщины, вина, *разгула*, *самозабвенной страсти*, – *разбойничества*, *бунта* (курсив мой – И. К.) и тирании» [Федотов, 1991, 286], что во многом совпадает с образом Буслаева.

Стремление Буслаева к вольнице перекликается с определением свободы у Даля: «Своя воля, простор, возможность действовать по-своему; отсутствие стеснения, неволи, рабства, подчинения чужой воле. Свобода понятие сравнительное; она может относиться до простора частного, ограниченного <...> и наконец к полному, необузданному произволу или самовольству» [Даль, 1863, 137]. Важно, что для русской ментальности свобода – это прежде всего свобода действия, его масштаб, а также отсутствие внешних ограничений. Образ Василия Буслаева – это один из первых в русской поэзии образов человека, не находящего себе места в условиях окружающей его среды [там же, 372].

Буслаев доводит свое стремление к свободе до крайности: *либо свобода, либо смерть* (в первом сюжете – заклад своей головы на спор, во втором – открытое пренебрежение предупреждением на камне). Эта черта «доведения всего до границы возможного, и при этом в кратчайшие сроки» [Лихачев, 1993, 279] характерна для России.

На наш взгляд, Василий Буслаев, вольнолюбивый *богатырь-бунтарь*, – третья вершина русского богатырства.

Заключение

Илья Муромец представляет собой патриотический воинский аспект, связанный с долгом перед Родиной, защитой ее от опасности. Микула Селянинович несет в себе мотив гармоничного труда по преобразованию мира. Свободный дух русского народа олицетворяет Василий Буслаев.

Таким образом, рассмотрев образы Ильи Муромца, Микулы Селяниновича и Василия Буслаева, мы делаем вывод, что этих богатырей можно рассматривать как три элемента гармоничной тринитарной структуры, каждый из которых затрагивает определенную область присущих русскому народу качеств: защиты пространства, его преобразования и сохранения внутренней свободы духа.

Библиография

1. Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Т. 1: Сочинения исторические. М., 1889. 599 с.
2. Астахова А.М. Илья Муромец в русском эпосе // Илья Муромец. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 393-419.
3. Буслаев Ф.И. Русский богатырский эпос // Русский вестник. 1862 . Т. 41. № 10. С. 5-103.
4. Вьюнов Ю.А. Русский культурный архетип. М.: Флинта: Наука, 2005. 478 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 4. М.: О-во любителей рос. словесности, учрежд. при Имп. Моск. ун-те, 1866. 625 с.
6. Домников С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М.: Алетейа, 2002. 672 с.

7. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2000. URL: <http://www.efremova.info>
8. Лихачев Д.С. Послесловие. О национальном характере русских // Из истории русской гуманистической мысли. М.: Просвещение, 1993. С. 278-280.
9. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991. 368 с.
10. Назиров Р.Г. Международные литературные сюжеты и типы. Уфа: РИЦ БГУ, 2012. 204 с.
11. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Ч. 1. М.: Типография А. Семена, 1861. 488 с.
12. Платонов О.А. (ред.) Святая Русь. Большая энциклопедия Русского народа. Русская литература. М.: Институт русской цивилизации, 2004. 1104 с. URL: <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=3797>
13. Померанцева Э.В. (ред.) Новгородские былины. М.: Наука, 1978. 456 с.
14. Пропп В.Я. Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 1999. 640 с.
15. Путилов Б.Н. Былины – русский классический эпос // Былины. Л.: Советский писатель, 1986. С. 5-46.
16. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: Наука, 1982. 599 с.
17. Селиванов Ф.М. Богатырский эпос русского народа // Былины. М.: Советская Россия, 1988. С. 5-24.
18. Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный: в 6 ч. Ч. 1. СПб.: Императорская академия наук, 1789, 634 с.
19. Толстой Н.И. (ред.) Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. 736 с.
20. Ушаков Д.Н. (ред.) Толковый словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ: в 4 т. 1935-1940. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>
21. Федорова В.Г. Анархия и порядок в контексте российского посткоммунистического развития // Вопросы философии. 1995. № 8. URL: <http://www.intelros.ru/subject/figures/valentina-fedotova/9903-anarxiya-i-poryadok-v-kontekste-rossijskogo-postkommunisticheskogo-razvitiya.html>
22. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб.: Наука, 1991. 599 с.

Three heights of Russian heroism

Igor' S. Kokarev

Postgraduate,
Department of cultural studies and literature,
Ivanovo State University,

Shuya branch,
155902, 24 Kooperativnaya st., Shuya, Ivanovo Oblast, Russian Federation;
e-mail: Igor-Kokarev777@yandex.ru

Abstract

The article explores the question of the interpretation of the term "heroism" ("bogatyrstvo") in the Russian cultural space; it specifies its traditional one-sidedness due to the strong semantic binding of this notion to the image of Ilya Muromets. By now in Russian culture there have accumulated many variants of the interpretation of the concept of "heroism", which are not always reflected in dictionaries, this article will only pay attention to the connection between the meanings that are commonly put into the concept of "heroism" and the images of epic heroes. In order to extend the semantic field of the notion "heroism" it is suggested to consider, alongside with Ilya Muromets, the heroic images of Mikula Selyaninovich and Vasilij Buslayev, since each of them is an equivalent expresser of the main features of the Russian folk. The author comes to the conclusion that such triad, made up of these three heroes, can reveal the subject of the notion "heroism" more fully, since three most important aspects of the Russian being have been pictured in it. They are execution of duty to the Motherland and its protection, honest work and harmony with the land, irrepressible desire for freedom.

For citation

Kokarev I.S. (2017) Tri vershiny russkogo bogatyrstva [Three heights of Russian heroism]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (2A), pp. 401-410.

Keywords

Bogatyrstvo, Ilya Muromets, Mikula Selyaninovich, Vassily Buslayev, duty, native land, eath, work, freedom, revolt

References

1. Aksakov K.S. (1889) *Polnoe sobranie sochinenii. T. 1: Sochineniya istoricheskie* [Full composition of writings. Vol. 1: Historical works]. Moscow.
2. Astakhova A.M. (1958) *Il'ya Muromets v russkom epose* [Ilya Muromets in the Russian epic]. *Il'ya Muromets* [Ilya Muromets]. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 393-419.
3. Buslaev F.I. (1862) *Russkii bogatyrskii epos* [Russian epic heroic]. *Russkii vestnik* [Russian Herald], 41 (10), pp. 5-103.
4. Dal' V.I. (1866) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. Ch. 4* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Part 4]. Moscow: O-vo lyubitelei ros. slovesnosti, uchrezhd. pri Imp. Mosk. un-te.

5. Domnikov S.D. (2002) *Mat'-zemlya i Tsar'-gorod. Rossiya kak traditsionnoe obshchestvo* [Mother earth and King-city. Russia as a traditional society]. Moscow: Aleteia Publ.
6. Efremova T.F. (2000) *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi: v 2 t.* [New Dictionary of Russian. Explanatory and word-building: in 2 volumes] Moscow: Russkii yazyk Publ. Available at: <http://www.efremova.info> [Accessed 13/03/17].
7. Fedorova V.G. (1995) Anarkhiya i poryadok v kontekste rossiiskogo postkommunisticheskogo razvitiya [Anarchy and order in the context of Russian post-communist development]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 8. Available at: <http://www.intelros.ru/subject/figures/valentina-fedotova/9903-anarxiya-i-poryadok-v-kontekste-rossijskogo-postkommunisticheskogo-razvitiya.html> [Accessed 17/03/17].
8. Fedotov G.P. (1991) *Sud'ba i grekhi Rossii* [The fate and sins of Russia]. Saint Petersburg: Nauka Publ.
9. Likhachev D.S. (1993) Posleslovie. O natsional'nom kharaktere russkikh [Afterword. On the national character of Russians]. *Iz istorii russkoi gumanisticheskoi mysli* [From the history of Russian humanistic thought]. Moscow: Prosveshchenie Publ., pp. 278-280.
10. Losskii N.O. (1991) *Usloviya absolyutnogo dobra: Osnovy etiki; Kharakter russkogo naroda* [Conditions of absolute good: The fundamentals of ethics; Character of the Russian people]. Moscow: Politizdat Publ.
11. Nazirov R.G. (2012) *Mezhdunarodnye literaturnye syuzhety i tipy* [International literary plots and types]. Ufa: RITs BGU.
12. *Pesni, sobrannye P.N. Rybnikovym. Ch. I* [Songs collected by P.N. Rybnikov. Part 1] (1861). Moscow: A. Semena Publ.
13. Platonov O.A. (ed.) (2004) *Svyataya Rus'. Bol'shaya entsiklopediya Russkogo naroda. Russkaya literature* [Holy Russia. Great encyclopedia of the Russian people. Russian literature]. Moscow: Institute of Russian Civilization. Available at: <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=3797> [Accessed 13/03/17].
14. Pomerantseva E.V. (ed.) (1978) *Novgorodskie byliny* [Novgorod epics]. Moscow: Nauka Publ.
15. Propp V.Ya. (1999) *Russkii geroicheskii epos* [Russian heroic epic]. Moscow: Labirint Publ.
16. Putilov B.N. (1986) Byliny – russkii klassicheskii epos [Bylina is the Russian classic epic]. *Byliny* [Byliny]. Leningrad: Sovetskii pisatel' Publ., pp. 5-46.
17. Rybakov B.A. (1982) *Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII-XIII vv.* [Kiev Rus and Russian principalities of the 12th-13th centuries]. Moscow: Nauka Publ.
18. Selivanov F.M. (1988) Bogatyrskii epos russkogo naroda [Bogatyrsky epic of the Russian people]. *Byliny* [Byliny]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., pp. 5-24.
19. *Slovar' Akademii Rossiiskoi, proizvodnym poryadkom raspolozhennyi: v 6 ch. Ch. I* [Vocabulary of the Academy of the Russian, derived order: in 6 parts. Part 1] (1789). Saint Petersburg: Imperatorskaya akademiya nauk Publ.

20. Tolstoi N.I. (ed.) (2004) *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheski slovar'*: v 5 t. T. 3 [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes. Vol. 3]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.
21. Ushakov D.N. (ed.) (1935-1940) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; OGIZ: v 4 t. Available at: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> [Accessed 14/02/17].
22. V'yunov Yu.A. (2005) *Russkii kul'turnyi arkhetyip* [Russian cultural archetype]. Moscow: Flinta: Nauka Publ.